

Крылов Виктор Александрович

Для сцены. Сборник пьес

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Александрович К.**
Для сцены. Сборник пьес: Том 2 / Крылов Виктор Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 274 с.

ISBN 978-5-519-91353-9

ISBN 978-5-519-91353-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОРВИ-ГОЛОВА

(ТОТО СНЕЗ ТАТА).

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

МЕЛЬЯКА и ГАЛЕВИ.

(Передѣлана съ французскаго).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Тото (Антонъ) Кудриковъ, — 13 лѣтъ.

**Семенъ Захарычъ, — дядька въ пансіонѣ, изъ
отставныхъ солдатъ.**

**Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ въ одномъ изъ частныхъ
пансіоновъ.**

Небольшая комната, вся заставленная шкафами. — Слѣва дверь — справа сундуки, на которыхъ навалена всякая старая мебель, большею частію поломанная и видимо ожидающая починки, и другой хламъ. — Все это сложено нарочно къ сторонѣ, чтобы опростать мѣсто, гдѣ поставленъ простой столъ и стулъ.

Дядька Семенъ Захарычъ открываетъ дверь и вноситъ чернильницу и перья, которыя кладетъ на столъ, — за нимъ поспѣваетъ Тото Кудриковъ; онъ въ ботинкахъ, въ шароварахъ по коленъ и курточкѣ, свободно накинутой нажилетъ*), — въ рукахъ у него тетрадь, перо и книга; появившись у двери, онъ внезапно останавливается.

Семенъ. Пожалуйте! что вы стали?.. пожалуйста, войдите...

Тото. Что такое? какой же это карцеръ? развѣ я сломанное кресло, что меня хотятъ тутъ запереть со всякой дрянью?..

Семенъ. Ну, ну, ладно, будетъ съ васъ и этого... У насъ не казенное заведеніе, а частный пансіонъ.

Тото. Какое мнѣ дѣло!!.. меня хотятъ посадить въ карцеръ, меня отправляютъ подъ арестъ, это мнѣ все равно... только для этого дайте мнѣ чистую, хорошую комнату, — а это чортъ знаетъ что такое!...

*) Впрочемъ, костюмъ Тото произволенъ, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ частномъ пансіонѣ.

Семенъ. Куда мнѣ приказано васъ посадить, туда я и сажаю... что тутъ еще разговаривать! — пожалуйста...

Тото. Позовите директора, пускай онъ посмотритъ... развѣ это карцеръ? — я сюда не пойду.

Семенъ. Извольте идти, некогда мнѣ тутъ съ вами...

Тото. Не пойду.

Семенъ. Анъ пойдете.

Тото. Ни за что.

Семенъ. А вотъ увидимъ.

Затѣвается борьба, во время которой Тото кричитъ: «это насиліе, вы не смѣете такъ обращаться!.. оставьте меня!»... Семенъ все таки его втаскиваетъ въ комнату. Семенъ тащитъ его за плечи (Тото въ это время топаетъ ногами), сажаетъ за столъ и самъ отходить къ двери; Тото тотчасъ вскакиваетъ.

Тото. Какъ вы смѣете такъ обращаться!? вы не имѣете права такъ обращаться!..

Приводигъ въ порядокъ свой костюмъ; застегиваетъ разстегнувшійся жилетъ, завязываетъ галстухъ.

Семенъ. Этакій... сорви-голова; право, сорви-голова (Про себя). А ужъ какъ я этихъ пострѣлять люблю... ей Богу... ишь ты, разгорѣлся весь!!.. (Громко.)

Вона! и пуговицу вырвалъ... ахъ ты, разгромъ Ерофеичъ!

Тото. (Кипятся все больше и больше.) Очень жалѣю, что я вамъ еще голову не оторвалъ... Здѣсь не казарма, что вы позволяете себѣ такъ обращаться... я буду жаловаться директору, я этого такъ ни за что не оставлю!

Семенъ. Ну, ну, хорошо...

Тото. Послѣ этого еще вы, пожалуй, и бить меня станете...

Семенъ. (Поддразнивая его.) А и ударю! что съ меня возьмешь?..

Тото. Вы не смѣете.

Семенъ. И не смѣю,—а вотъ взялъ да ударилъ

Тото. Ну-ка, попробуйте.

Семенъ. А что-жъ не попробовать?.. вотъ тебѣ — бацъ!

Ударяетъ его по плечу.

Тото. (Въ крайнемъ негодованіи.) А!! вы такъ то?.. а знаете ли вы, что тѣлесныя наказанія запрещены?!.. тѣлесныя наказанія запрещены, чортъ васъ возьми совсѣмъ!!!

Налетаетъ на Семена и бьетъ его въ спину кулакомъ.

Семенъ. (Полусмѣясь.) Ну, ну, будетъ!.. будетъ, что ли!...

Тото. (Отходя отъ него, запыхавшись.) Тѣлесныя наказанія запрещены, а вы себѣ позволяете...

Семенъ. (У двери.) Ишь ты, право, буянъ какой!—

настоящій соврасъ безъ узды... Садитесь-ка лучше, не спорьте; дѣло-то лучше будетъ.

Выходить и запираетъ за собой дверь.

Тото. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается.) Ушелъ и заперъ... Вотъ вамъ мудрыя распоряженія нашего директора!.. меня сажаютъ въ карцеръ, подъ арестъ... я васъ спрашиваю, что такое арестъ?!—это есть наказаніе лишеніемъ свободы!—ну, запри меня въ приличную комнату, я никуда не уйду... а меня запираютъ въ какой-то хлѣвъ, въ компаніи со старой, переломанной мебелью... тутъ ужъ не одно лишеніе свободы, тутъ оскорбленіе... наконецъ, посылаютъ меня сюда съ какимъ то салдафономъ, съ какимъ то бурбономъ армейскимъ, который толкается, насильно втаскиваетъ сюда, дерется... вѣдь это кулачное право!!... вѣдь это мы возвращаемся ко временамъ Атиллы и Θεодорика... какое же это девятнадцатое столѣтіе? это Богъ знаетъ, до чего мы дожили!!... Ну посмотрите, ради Бога, — какія-то корзины со всякимъ старымъ хламомъ... (Вытаскиваетъ старыя ботинки.) Старыя ботинки директорши... тряпки какія-то... кринолинъ .. тьфу! какая гадость!!.. (Опрокидываетъ корзину, изъ которой вываливается всякій хламъ.) Ва! еще корзина. да тутъ какія-то бумаги! вотъ это интересно .. можетъ быть, я тутъ открою какуюнибудь тайну на счетъ директора или... (Смотритъ.) *Ce cahier appartient à Nicolas Kolpakoff... ex temporaliis!!..* (Бьетъ тетрадки черезъ голову.) Чортъ васъ возьми! — какія-то старыя тетрадки нашихъ учениковъ,

вокабулы, диктовка... (Раскидывает тетрадки по полу.) Это что за свертокъ? (Развертывает свертокъ.) Старые учебныя рисунки... и какъ скверно сдѣлано... Смотрите: голова Юноны съ бакенбардами... это что?.. два гладіатора борятся... опять два гладіатора... еще два гладіатора... Господи, сколько гладіаторовъ... это, я вамъ скажу, самый любимый рисунокъ нашего учителя рисованія; тутъ, по его мнѣнію, обрисовываются какіе-то античныя мускулы... ничего я тутъ хорошаго не вижу. (Развертываетъ и расправляетъ одинъ изъ рисунковъ и привѣшиваетъ его къ шкафу, прищепивъ сверху въ щель дверцы.) Просто, какіе-то два дурака дерутся. (Беретъ перо и какъ кистью намазываетъ надпись: два дурака дерутся, а третій смотритъ.) Однако, въ этомъ хламѣ должно быть мало интереснаго. (Подходитъ къ окну.) И окно какое-то небывалое... маленькое, все сразу отворяется... (Отворяетъ окно.) Тсс!!.. кажется, идутъ...

Становится передъ шкафомъ.
Дверь отворяется, входитъ Семенъ.

Семенъ. Зачѣмъ это вы окно отворяете? кто вамъ позволилъ? охъ! баринъ, баринъ, ладу съ тобой нѣтъ... господинъ Кудриковъ!.. фу ты, куда онъ тутъ спрятался?!.. Ахъ ты, соврасъ безпардонный... ишь какой Садомъ-Гаморъ надѣлалъ здѣсь, всѣ бумаги раскидалъ... Господинъ Кудриковъ!! да вы не извольте прятаться... я сейчасъ дилехтора позову... (Ищетъ Тото по комнатѣ, но тотъ прячется, обходя тайкомъ шкафъ.) Святители небесные! да никакъ онъ въ окно прыгнулъ... вѣдь отъ этакого все станется... охъ, батюшки... (Глядитъ въ окно.) Нѣтъ, здѣсь бы расшибся; четвертый

этажъ; и ухватиться не за что... Да гдѣ-жъ ты, сорви голова?... куда запропастился?... (Идетъ и видитъ рисунокъ.) Ишь леменацію какую выдумалъ, картины развѣшивать... (Читаетъ.) «Два дурака дерутся, а третій смотреть»... гм... гдѣ жъ это третій-то?... третьяго-то нѣтъ...

Тото. (Выглядывая изъ за шкафа.) Третій-то дуракъ вы, дяденька... Третій смотреть, а вы смотрите... вы.

Семенъ. Ты что жъ это?—шутить со мной сталъ?..

Тото. (Выходя.) Во первыхъ, не извольте мнѣ говорить ты... Я вамъ не сынъ, не братъ; я вамъ говорю вы, такъ и вы должны мнѣ говорить вы.

Семенъ. Стану я разбирать, какъ же!.. а вотъ про это я дилектору скажу, что всѣ бумаги по комнатамъ раскидалъ.

Собираетъ хламъ опять въ корзины.

Тото. Вольно же меня сажать сюда... Мнѣ нужно было ходить по комнатамъ; я задѣлъ и опрокинулъ... я не виноватъ.

Семенъ. Ты соврасъ безъ узды—вотъ ты что!..

Затворяетъ окно.

Тото. Если вы смѣете такъ говорить, я не буду васъ слушать...

Садится за столъ, затыкаетъ уши и читаетъ.

Семенъ. (Подбирая оставшійся хламъ.) Срамникъ, до чего дожилъ: наказывать стали, въ карцеръ заперли.

Тото. (Отрывисто и криливо.) Не мѣшайте мнѣ учиться.

Прицѣпляетъ къ пуговицѣ на
спинѣ сюртука Семена длинный
бумажный хвостъ.

Семенъ. Было бы тебѣ сказано: коли ты тутъ, еще у меня безпорядокъ затѣнешь, я дилектору безпремѣнно скажу... не на три часа, а весь день тебя здѣсь продержатъ...

Тото. (Тагъ же.) Не мѣшайте мнѣ учиться!!..

Семенъ уходитъ, волоча за со-
бой длинный бумажный хвостъ.
Когда дверь заперлась, Тото снова
перемѣняетъ позу.

Тото. Срамникъ!! Въ карцеръ заперли! велика важность... многихъ великихъ людей сажали въ тюрьму... дѣло въ томъ: за что?.. Галилея тоже посадили въ тюрьму за то, что онъ первый сталъ доказывать, что земля вертится около своей оси; а теперь никто объ этомъ и спорить не станетъ... Такъ и меня... Меня посадили въ карцеръ за то, что я въ прошлое воскресенье ходилъ къ кокоткѣ... Что это значитъ кокотка, я, по правдѣ-то, самъ хорошенько не знаю... говорятъ, что это какія то скверныя женщины... но вѣдь въ чемъ весь вопросъ: зачѣмъ я пошелъ къ этой кокоткѣ?... Ахъ, Господи, признаться, я женщинъ терпѣть не могу и не понимаю, что въ нихъ находятъ хорошаго. Возьмите всѣхъ дѣвочекъ, съ которыми мнѣ приходилось играть: непремѣнно или плакса, или нюня... чуть ее толкнешь

какъ нибудь неловко, или съ ногъ спибешъ, сейчасъ поднимается ревъ... ну, да дѣло не въ томъ... зачѣмъ я пошелъ къ кокоткѣ?... еслибъ это знали, — такъ меня не только бы не наказали, но, напротивъ, наградили бы... я пошелъ, чтобы осушить слезы страдальцы, моей крестненькой. Слушайте. Я вамъ откровенно расскажу, какъ все дѣло было. Я — сирота; у меня нѣтъ ни папаши, ни мамаша, и до сихъ поръ я жилъ и учился у бабушки, въ Саратовѣ. Но у меня есть крестная мамаша, генеральша Андреева... ея мужъ только, знаете, этакій — статскій генералъ... Вотъ меня въ августѣ и привезли къ крестной мамашѣ, чтобъ она меня куда нибудь помѣстила въ пансіонъ. У ней дѣтей нѣтъ, она мнѣ ужасно обрадовалась, приласкала... и генералъ тоже: велѣлъ, чтобы я его называлъ папашей... Недѣли три тому назадъ крестная и помѣстила меня сюда въ пансіонъ; а по воскресеньямъ я къ ней хожу въ отпускъ... и еслибъ вы знали, какая она добрая, какъ меня любитъ, какъ заботится обо мнѣ! — ну, да ужъ и я ее люблю больше всѣхъ на свѣтѣ... И какая она красавица, и какая была веселая когда я только что пріѣхалъ, какъ смѣялась со мной! возила меня по дачамъ, играла мнѣ на фортепьяно... Вдругъ!... въ первый же день, когда я пришелъ къ ней въ отпускъ, въ воскресенье, я ее не узналъ... она едва обратила на меня вниманіе, — грустная стала, задумчивая... мнѣ не хотѣлось ее еще больше огорчать и я сталъ разспрашивать моего назван-